

82.3(2)-06

4-48

Кирьяк Черканов

ЭВЭДЫ НЕМКАН

Кирияк Черканов

ЭВЭДЫ НЕМКАН

Сказки Севера

Сказки собрал, обработал
и перевел с эвенского
К. С. Черканов

ПЕТРОПАВЛОВСК-КАМЧАТСКИЙ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАМЧАТСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

1988

84.3(Сиб)
Ч48

Для младшего школьного возраста

Эти сказки для вас, ребята, записал Кирьяк Степанович Черканов. Он эвен, живет в селе Эссо Быстринского района Камчатской области. Эвены всегда верили в силу хороших людей. Поэтому во всех сказках добро побеждает зло.

Художник
Любовь ТКАЧ

4803330000
142(01)—88 49—88

© Дальневосточное
книжное
издательство, 1988

ОЕ-ТУҢКЭВ

Ое аманун биденнэ. Дёгэдянна. Ями этэр. Орчартан улаптытэн, ңаллы таңкич. Бэкэл унэт Ондат, этыкэн буюсми элбэтэлдывэнны. Таричтэ камуг бадун. Урэп унэттэ ирэни буюсми бисин, чийдун дыкныди нюрмэбгэн.

Омнэкэн кимнэ нуддэвэр. Этыкэн тар мэтун:

— Отудлы мэнкэн. Биси дагрит бадудим, коч явда итчим. Гусэтэ умардун инэгдинны, улсатла эелэн.

Камув, элгэснэн тыргэмэч Ое кабаралби асукаяч нукталди. Тачин аран кавьюланнны уримкэклэ таимканчала. Иттэн, усирлэ якитамкэрла айдитта улэтлэ умар.

— Эр, айдит, эду, — мурчин угэски. Таридит ойчивэдиллэн тала инучелби. Он гундир урэнькум! Эңивэндэ гукич. Учикчарны таңчир, дяддукта он ойчидир молы. Ое бидэи, мэн аргади, таңчисаткан. Тачин нан итэнду апкаттан челэвэн, касагчими ойчивдаи умарла.

Гору оллотча, эмнэн этыкэн уримкэндула. Дю илэдэ ачча, анинусин ичудэн. Уты эринидиллэн.

— Эркэ бисэм, ака, — Ое эңэнны умардук, уклэснын ачулариди.

— Яв тала гэлнэрис? Учикэл ями дэсчир?

— Бэйдиккэ гуныс, эду инэгдэку. Би нан

ойчивкаттыву эвэски, ойчивэддыву, эрэл нан эчин... Табач инэг ургэтэн...

— Эро айдитта якавуч бисэнны! Илгичинситкан! Илада бисив ормур инунны. Ондатусин час колуналы.

Элгэснэн Ое учуку. Таркнун ялдывэн, мэлуңчин мулэ тадук Ондату мэнтэкии тандаи. Тарак дынмэк. Экич, — дюлдэн эмкэрмэк.

— Гэ чоґ! Эк, эк! Эрэкусиндэ! Эг, эг! Янны, муч нэлэнны, — акуврэн таил бидэи. — Банны будэлы улдаи, а?! Гэ нуктаку би ину!

Тадут тынын кабаңаи нан окин челэмэвэн Ондаты осэллон. Урэп нан аваски урдин, тармамадут кокэн эрэглэ.

Этыкэн олбаллыди эңэнэддэн, ями тачикэн бэриштэн уркаңэн. Иттэн окэрэпу Ондату нан тадут тэгрэн.

Болэр нңку дючамутэн кумтын. Этыкэн букченын неркэду, эчуми чунынэденнэн. Эныелу эные, орми мукэиддэн, умнытэн инытэн бичев.

— Он тык? Ондатусин, мэдэн этумңэ бисин. Цидэ надан, он долдэдиру? Онуч нэкчип? Як муту дысутчин?

Ое уклыддэн упкирэ кучучанды, аканди нюуми. Тадук гасчин:

— Ака, эллырэкэтнэн Ондат таңняван. Тадук набгидинны мин дыллаву, тар би ноңан бичедун этудим ину.

— Унэт яв? Аявэнны идэ кокэдэи?!

— Гэ, тачин нэккэр, тэтугэр мин таңнягаку! Тар этэп эңун окта! Бэйди этумңэс одим! — элывнэн касагчиллэн Ое.

Гасчинтэканнун, ирэпту этыкэн тыкуллэн. Элын акувриди Ондат таңняван таридит тыпкэн Ое абла дыллан. Тарак унэт гасчин:

— Тык онелы мину мола, Ондаткэчин!

Ое, ирэв таил, мов эрэлы курукэнэдиллэн. Га-

ракаг таңнялди эвими давсаныкан, эңундэ корба одны. Ирэклыда коңгэлдэн:

— Эңклу, эңклу!! Туңкэв, туңкэв!!

— Уруне иркэдан, Инсача долдэдик, — нэин этыкэн авуллыди уты.

Атараллан. Ое оды одны, унэт ойдэдун эңтыллэн.

— Бэлэңо, эгдэ, одлыси, эңныдэ, — этыкэн долдэн тэгэлэ илэвуч ңивуч баргуриван. — Тара, ңивуч эвэски эмнэн. Тар-тар, эрэк...

Ое туркун торңэ. Кургэми иркэрин осэми тубэлнэн улдэми илэвуч имңэн долан. Яңкиллэн киңисаткан таил гукэссидун, дэпки алымдаи баргэки. Урэп дырэлэнны эвгилэнун эвгилэ. Эр укэл якитал курэпруллэ, эдэн надыгчин урэлытэн.

— Бэйди Чирини корбэкэнны эмнэн. Ое, ач дыллаван! Одлыси!

Тарак айдитта мэргэми бэрин, аран усиды орчин. Этыкэн эңуллэн, кучулаи ириди гиинны. Ями тубэс эдэн надыгчинны, ирэпту дючанны капчуррэн. Этыкэн иранны илэвуч, огнэңа туркун.

Долдэнтэкан, он Ое кургэсэмнын «Эңклу, туңкэв», алымнэн каңгэс таңнялди баргаки. Каңтара танча уси эгдэс курэпрун... Тадук кусин игэн тарапкан илэвуч буллэн.

Бадич этыкэн илгэн дючами кавамчадук. Эрэлы тур улчэ угэски одын, мо эткэтчэ ңиңтэн ойлэ габуллэн. Онда нэкчин. Урэденнэн этыкэн аландулы, уты икэриивэнусин чактаи. Иттэн, ями Ое будэлэн дэсчин. Чидалан, — баргэкэн нёгин нэбулы будэлэн. Осэмкин оча кусиекэтэн ач мудна. Тачин ңэнэденнэн этыкэн бидэи, ичулыныкэн тымнэду улламчав кусиидчэл оютэн. Гиркэн, илуматтэн. Нанда инңэмтэи икэсноттэн, уты мулами.

Муднылан иттэн урэпэлбэ, таңнялдюр апкулдучалбэ. Таравтыт Ое унэтэт ңалдит апкарин эрэглэкэн баргаки. Аманнэ тадут тыкрэн.

Олукаду ями Ое дылэндян торэллэн:

— Ака, коенны?! Онэкэн минду эрэк нэврэн! Тык унңидмэр амалкадан! Би тык бэйендэ ариңкэв эр эчинтэдэ...

— Бэйдидэ як одыс. Умэн дылэс! Таркашив, урэнькум, ариңка тымнэкчин, и унэттэ ноңан-такин.

— Эди оңанкил, һогдак. Мучулы дютки. Тар умэн он нэкңэнны...

Аманнэ молдэн ул чеммон. Дюды, уклэсэндил-ми, нэдны чиклям анчиса, Долбэны дулкакман долдэн, һивуч гиркэн, унэттэ икэри каңгэлнэн. Тарак Ое, арисаг одыди, эмэддэн дюткии. Акад-марэ уты гончегчинны, кимнэн. Элэкэс икэригдэ уркэлы илгэддыв, багэс тадут, икэрин тымнэду тыткачикэн. Чакран итэнду нан дуруттэн тогла, умэм яваккон улариди. Урэпу нэдны Ое кучун мукчулан.

Бадикэр мэддэн, ями Ое тогу окэрэп дурурин. Тадук нан часки бидиллытэн.

БУ ҢЭНЭДДУ БЭИЛТЭКИ

Биденнэ тачин Оее аманун. Горугу, адыв, авгич мут адип? Тар онныллэдэ ун бидми, анылбур аңидадутэн. Аманнэ нан мулгэн гэлнэдэи таралба. Алгакан урэденнэ, учикэлбэси Ое инурин. Тывси тэгэ. Ями дюлдэлэтэн ичуснэн авламкар ач мудна тэринтэкин.

— Он тык? Аваски часки?

— Ака, уррэп та-ар упкэчеекэнтэки. Тадук нан коетчип, аваски урэвми ай бидин часки. Эди мо-гавэр асуниру нэргукэв гадакун. Элэ огатала ялан бакчин, — Ое амнак чакран ингэи.

— Боңкэчэңэс огнэдды урэчин, — аямкаттэн этыкэн. — Эсныдэ Эвэнэ бис? Айдит, бэйди

бэймэгэн! Коетлы, онэкэн пэсэргэрин. Ты-ык, эртэкэн тык мут кокэрэп! Этэкэдиур! Маннулы!

Урэкэе отэл иттын бэютэн. Окныди ининэллэн, иркэллэн:

— Эро ялгалы! Э-э-э! Тык бакрам, эр тырэкэ! — нан дагрит ирасамнын нимцэн этыкэм Оенун инэлкэе.

Дюлын бэймэгэн урэн додун мэддэн мут Оет:

— Эро атарчакана-а! Ака, инэнны?

— Ирасчирэмгэл. Бэлэңо, эдиси чукэлдэкил кокэн одиллыв.

— Коечисэндэку, яла мут эмнэп. Якта эсны ичур эрэк буныл билэклэтэн. Алатлы ака. Элдурдэ, мовур эчиву мултур. Эди тогу гулдаку, цэрисукэн одан. Атару як явда унукич.

Гулун аран-аран нулун. Тар Оет касагдун, элымэди урэкэн ивэсчирив тогу. Ямиккэ, анин тог пэсэлэллэн нэргугэдук. Ое эрэгэр улэсэткэн мой. Мэнкиди иранны нипкунэллэн, аммида уңнын, анундиңадун.

Эвэнэ урэп, бэйлбэ нимцэриди, тадут букченны, дёлкэтнан:

— Эр тык дялурэм. Тэсэнту исэгдээкэр, — нан уклэснэн.

Оеси урэпчит тоги уклысэткэн, итэнду мой тогла улэн. Экич ук одны. Таркнун бэймэгэн уклэдимнын, кэркинны нан амаркачиллэн урди энывэлми милэллэкэн.

— Эно-ой, эной!! Эро, энэкке-е, энэлу, энэлу!!

Ое оды ойдэдун тоги уннун ун:

— Гэ, гэ, гэ! Тавар, тавар, тавар! Дялурис?! Тык онэкэн, далсан? Тэсэмэнны тык, эр тачин умэлдынми?! Гэ тык, унэт авасандаку, — Ое насаллан Эвэнэ тэпкэвэн нан илгэн часки. Миркэн мевэнтэкин, нонаван аран училлэн. Учисныдун бэймэгэн нан тэгэндэдин, нан эюкчин, турлы амаркатныкан. Тадут умнэми амнакат ачулан, аргасат-

кан одны тар цалдиткан амакран нюрцияв ой.

Оет гидэттэн торэныкэн:

— Эр ину бэю мачалыс! Онтэкан!?! Далсан?! Тыктэкэн инумэл эрэглэдиллэм!

Тог нулэндукун бэймэгэн эмэсэкэн ненын, чургэллэн нан нясэпкэнны эрэлы. Окарап акулалча дурридук аниндукта, Ое чулбэкрэн Эвэнэ тыңмэн нан нюн толэски. Аммида иррэн, этэрэпчэв яллараптыди.

Ое тэрэну туркун тывнэңэ:

— Эро ялгалыван, онтэчу нэкрэп! Итлы ака, Эвэнэңэт эсны ирар. Элэкэн! Тык, яв аяврин! Нёгэрэн бунылтэки урдинны. Эдэи биңэ осэр иныч инылбэ ач дюгула мадми! Бугэл урдиру анылтэкивэр, бэйлтэки. Тэлэндэвэр эрэв чэлэткин, дюлэпки эдэтэн цивдэ цэллэ.

ОЕ-ПОБЕДИТЕЛЬ

Бедно жили старик и его сын Ое. Худо им было. Что тут поделаешь? Оленей-то у них осталось — можно по пальцам пересчитать. Ну, ещё Ондат, верховой олень, на котором старик ездил на охоту. Он же был и отличной приманкой для диких оленей, прячась за которого можно подкрадываться к добыче.

Собрались они однажды кочевать. Старик и говорит сыну:

— Кочуй один. А я проедусь, может, что увижу. Развьючишься там, где орлиное гнездо над яром.

Ладно, повёл Ое пешком вьючных оленей с нехитрым скарбом. Так доплёлся кое-как, не будь дураком, до указанного места. Видит, на старой лиственнице и в самом деле заброшенное гнездо.

— Вот, значит, здесь. — Залез наверх. Сразу начал тянуть туда же и оленей. Что с чудака возмёмшь! И сил ему не занимать. Бедные ездовые упираются, ну как им подняться по стволу! А Ое, знай себе, тянет. И так всех и передушил подряд, пока затаскивал на гнездо.

Долго проехав, прибыл старик к намеченной стоянке. Юрты нигде нет и дыма костра не видно. Стал звать сына.

— Я здесь, отец. — Ое выглянул из гнезда, где он уснул от усталости.

— Ты зачем туда-то залез?! А олени почему мёртвые?

— Сам же сказал, чтобы здесь их развьючить. Я и поднимал их сюда, поднимал, а они вот... Ну и тяжелые...

— Ох, и действительно ты у меня какой-то! Одна беда с тобой! Последних оленей загубил. Хоть Ондата напоишь.

Повел Ое верхового. А речка быстрая, с крутыми берегами. Камни, слышно, перекатываются. Но Ое, всё ему нипочём, спрыгнул в воду и тянет за собой Ондата. Тот ни с места. Ну никак, перед ним же обрыв.

— Ну давай! Эк, эк! Эг, эг! Да что же ты, воды боишься? — выходит из себя дурак. — Или боишься ноги замочить, а?! Давай тогда я тебя разую!

Тут же свалил оленя и снял камусы со всех ног Ондата. Ну куда тому деваться, там же дух и испустил.

Старику надоело ждать, и он пошёл смотреть, почему так долго нет сына.

Увидел бездыханного Ондата да так и сел.

Ночь осенняя нависла над юрточкой. Старик прилёг у очага, тяжело вздыхает. Ох, как жалко ему оленей, последнюю надежду жизни.

— Как теперь? Ондат ведь и охранял. Вдруг кто нападет, мы и не услышим. Как же спасёмся? Некому нас защитить.

Ое ворочался, ворочался в своем потертом кукулишке, неудобно ему перед отцом. Потом стал просить:

— Отец, давай отрубим рога Ондату. Прикрепишь мне на голову, и я вместо него буду сторожить тебя.

— Ещё чего! Хочешь и ты подохнуть?!

— Ну сделаем так, приладим мне рога! Тогда никто нам не будет страшен! Я буду твоей защитой! — заупрямился Ое.

И до того пристал, что старик разозлился, отрубил в сердцах рога Ондату да и забил их на дурную головушку Ое. Тот еще просит:

— И привяжи меня к дереву, как Ондата!

Ое, не будь дураком, стал вокруг дерева кружиться. Ветвистыми рогами мотает играючи, ну прямо настоящий бык. И, как олень, трубно ревет:

— Энклу, энклу!! Тункэв, тункэв!!!

— Не ори так громко, а то чёрт Инсача услышит, — унижает старик.

Стало темнеть, а Ое словно взбесился, еще громче взревел. Встревоженный старик услышал где-то далеко чей-то ответный рёв.

— Сынок, хватит, перестань, а то беду накличешь. Слышишь, кто-то сюда идёт. Вон, вон, уже близко...

А Ое уже не остановить. Громкий крик его отдавался гулким эхом в глубине сумрачной тиши. Аркан аж звенит от рывков дурака, рвущегося навстречу неизвестному пришельцу. Гул все ближе и ближе. Вот уж деревья загудели тревожно, будто ветер прошёлся по их вершинам.

— Сам рогач дьявола идёт. Ое, в самом деле без мозгов! Кончай!!

Ое и впрямь будто голову потерял, еле на аркане держится. Старик перепугался, залез в кукуль и притаился. Слышит, топот раздался и ветер такой пронёсся, что юрточку развалило. У старика аж дыхание где-то, пошевелиться не может. Разобрал только, как Ое с грозным воплем «Энклу, тункэв» хлестким ударом рогов встретил противника. Туго натянувшийся аркан разорвался со свистом... И шум боя стал удаляться.

Спозаранку вылез старик из-под разбитой юрточки. Вокруг земля навыворот изрыта, деревья поваленные вверх корнями торчат. Делать нечего. Пошёл старик по следам драки, хоть кости сына собрать. Видит, лежит растерзанная нога Ои. Дальше — передняя волосатая нога его противника. А просеке

сражения нет конца. Так и шел бедный старик, натываясь на разорванные части тел. Идёт, спотыкается. На ходу слёзы вытирает, жалко единственного сына. Наконец, увидел их, сцепившихся рогами. Только пальцы Ое намертво сжимали горло самца дьявола. Старик рядом свалился, свалился от всего увиденного.

Но вдруг голова Ое заговорила:

— Отец, видишь? Здорово я разделал вот этого! Будет теперь знать его хозяин! Я бы и самого дьявола вот так же...

— А сам-то какой! Одна голова осталась. Да и ту, дурную, дьявол-то расколотит, а ты ещё на него.

— Не горюй, не надо. Домой возвращайся. Только вот что сделай...

На обратном пути старик срубил посох из ветки тополя. Дома, ложась спать, положил палку рядом. В полночь слышит, идёт кто-то и стук костей раздаётся. Это Ое, ставший мертвецом, пришёл в юрту. И отец его, как и предупредил Ое при расставании, стал у дверей, изготовился и, как только скелет начал ломиться через полог, ударил так, что кости вдребезги на куски. Собрал их и сжёг на костре, оставив один молочный зуб. Потом положил тот зуб в кукуль Ое. Сам лёг спать.

Утром проснулся, а сын его Ое уже костёр разжёл. И стали жить дальше.

МЫ ИДЕМ К ЛЮДЯМ

Так и живут Ое с отцом. Долго ли, откуда мы знаем сколько. Но надоело им так, не видя сородичей, жить. Решил старик идти на их поиски. Пошли пешком, оленей-то Ое загубил. Путь дальний. Вот показалась перед ними широкая тундра, без конца и края.

— Как теперь? Куда дальше?

— Отец, пойдём во-он до той сопочки. Оттуда и посмотрим, куда можно дальше идти. Дров, хоть вязанку кедрача, возьмём с собой. В этой равнине где найдёшь? — Ое проворно собрал большую охапку.

— Сопочка-то вроде шевелится, — присматривается старик. — Не Эвэнэ ли это?.. И правду, людоед и есть! Смотри, как его разнесло. Ну-у, вот теперь-то погибли мы с тобой. Бежим! Быстрей!

Но тот уже заметил их. Расхохотался обрадованно, заорал:

— Вот дела!! Ох-ха-ха-ха!! Наконец-то нашел, чем полакомиться! — И одним вдохом заглотнул старика и Ое с его вязанкой.

Первым в животе людоеда опомнился наш Ое:

— Ну и темнота-а! Отец, ты живой?!

— Дышу пока. Сынок, не болтай ты хоть перед смертным часом.

— Посмотреть бы надо, куда нас занёсло. Ничего не вижу в этом загробном мире. Подожди, отец. Хорошо хоть, что дрова не потерял. Сейчас костёр разожгу, пусть светло станет. А то в потёмках не разберёшься.

Костёр кое-как разгорелся. И то усердием Ое, изо всех сил дувшего на слабое пламя огня. Наконец, дымный очаг затрещал от сухого кедрача. Ое всё подкладывает хворост. Сам уже тяжело отдувается, отца тормозит, боится, не задохнулся бы.

Эвэнэ же, проглотив людей, тут же улёгся, довольно икая:

— Вот это нажрался. А сытные эти людишки. — И спокойно уснул.

А Ое костёр ворошит, все дрова в огонь бросил. Жарко стало. Тут людоед спросонья вскочил и стал кататься от жгучей боли в животе.

— Эно-ой, эрой!! Ох, больно-о, болит, болит!!

Ое еще сильнее пламя раздувает:

— Гэ, гэ, гэ!! Вот, вот, вот!! Съел?! Ну, как оно, сладко? Доволен теперь, кувыркаешься?! А ну, я тебе еще подбавлю! Хватит?

Ое разорвал желудок Эвэнэ и полез дальше. Добрался до сердца стал сначала легонько покалывать. И каждый раз людоед от болей то присядет, то подпрыгнет, катаясь по земле. И скоро до того умаялся, что только тяжко стонет и пальцами скребёт по разгорячённому телу. А Ое колет и приговаривает:

— Вот тебе за погубленные души! Ну как?! Сладко?! Теперь самого доконаю!

От жаркого пламени сало людоеда растопилось, стало капать и потекло везде. Уже ошалев от гари и дыма, Ое продырявил грудь Эвэнэ и вылез наружу. Вытащил и отца, измазанного в сальной саже. Ое и тут не угомонился:

— Вот так дела, чудеса да и только! Смотри, отец, Эвэнэ-то и не дышит. Пускай! Ишь, чего захотел! Вперёд нас к жителям загробного мира отправишься. И не будешь больше губить живых. А мы пойдём к своим, к людям. И расскажем им обо всём, чтобы они больше никого не боялись. Вот так.

Оняттан

Ое-туңкэв	3
Бу нэнэдду бэйлтэки	8
Ое Косалан	11
Урэлэ Пэчэрэ	17
Арукалдывэн укси	19
Тэден Накатча	21
Улэ-омин	25
Улэ-кусчилэн	31
Нюлтэн-эвэлдэн	35
Омин	37

Содержание

Ое-победитель	40
Мы идет к людям	42
Ое Стремительный	44
Карлик Пэчэрэ	46
Живительная вода	47
Доверчивый Накатча	48
Находчивая лиса	50
Лиса-пастушка	54
Солнце-радость	56
Мудрый	58